

САТИРА

САТИРА - вид комического: **беспощадное осмеяние** общественно вредных явлений и человеческих пороков. Сатирический смех имеет массу оттенков, а диапазон сатирических произведений необычайно широк: от «сатиры на нравы» Н. В. Гоголя («Ревизор», «Мёртвые души») и А. Н. Островского («Гроза») до политической сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина («История одного города», сказки).

За сатирическим смехом всегда скрывается определённая позиция писателя, понимание того, каким должен быть осмеиваемый предмет, если он был бы лишён комических противоречий. Авторская позиция выражается через критику, отрицание самого предмета изображения или его отдельных свойств.

Сатира определяет специфику многих литературных жанров: басни, памфлета, фельетона, комедии. Жанровые признаки сатиры обнаруживаются в заключительных 16 строках стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта», в стихотворении В. В. Маяковского «Прозаседавшиеся».

Гегель: комический эффект достигается разительным расхождением между формой и содержанием – но не в художественном произведении, а в самом предмете изображения. Объект смеха несоответствия не замечает и от этого особенно смешон (Городничий в «Ревизоре»)

Издавна комического эффекта достигали с помощью нескольких приемов: ирония, юмор, сарказм, карикатура, гротеск

- **Ирония** – прием, где за серьезным тоном скрывается насмешка. Тонкое иносказание, в котором обличение не получает внешнего выражения – его нужно угадать по контексту, по интонации, по логике вещей (Берг или Лужин).
- **Юмор** (нет в сатире) – прием, где за смешным, наоборот, скрывается серьезное. Юмор приоткрывает за ничтожным – возвышенное, за безумным – мудрость, за смешным – грустное или трогательное (Дон Кихот или мистер Пиквик).
- **Сарказм** – это едкая насмешка; ирония, возведенная в какую-то уже высшую степень. Иносказание в нем ослаблено, но все же до какой-то степени – совершенно формально – должно присутствовать. Всем все понятно, но это еще не прямое обличение.
- **Карикатура** – искажение форм и нарушение пропорций, подчеркивающие дурные стороны объекта критики (Ситников и Кукшина).

- **Сатира – способ изображения действительности, раскрывающий ее как нечто превратное, несообразное, внутренне несостоятельное.** Беспощадное, уничтожающее переосмысление объекта изображения, разрешающееся смехом.
- **Сверхзадача С.** – возбуждать и оживлять воспоминание о высших жизненных ценностях (добре, истине, красоте), оскорбляемых низостью, глупостью, пороком.
- «...в сатире действительность как некое несовершенство противопоставляется идеалу, как высшей реальности» (Ф.Шиллер).
- Для сатиры характерна резко негативная – без полутонов – окраска изображаемого объекта. И вообще сатира – средство борьбы. По сути своей сатира «победительна»: то, что осмеяно, уже не страшно и не имеет ореола неприкосновенности. Салтыков-Щедрин писал, что сатира «провожает в царство теней все отжившее».

- «Наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений» (к ним в 1822 году был причислен и Лицей):
- «Совесть нужна человеку в частном, домашнем быту, а на службе и в гражданских сношениях ее заменяет высшее начальство».

Салтыков-Щедрин

Искусство, точно так же как и наука, оценивает жизненные явления единственно по их внутренней стоимости, без всякого участия великодушия или сострадания.

- "Не будь у меня этого убеждения, этой веры в литературу, в ее животворящую мощь - мне было бы больно жить. Лично я обязан литературе лучшими минутами моей жизни, всеми сладкими волнениями ее всеми утешениями; но я уверен, что не я один, лично обязанный, а и всякий, кто сознает себя человеком, не может не понимать, что вне литературы нет ни блага, ни наслаждения, ни даже самой жизни".
- Завещание сыну: "паче всего люби родную литературу, и звание литератора предпочитай всякому другому".

- "писания мои до такой степени проникнуты современностью, так плотно прилаживаются к ней, что ежели и можно думать, что они будут иметь какую-нибудь ценность в будущем, то именно и единственно как иллюстрация этой современности".
- *"Его имя останется в истории не только как имя самого великого памфлетиста, которого когда-либо знала Россия, но и как имя великого гражданина, не дававшего ни пощады, ни отдыха угнетателям мысли. Щедрин действительно жил только своим временем, но как хорошо сказал Гете: **"Кто жил для своего времени, тот жил для всех времен."**"*
Софья Ковалевская, 1889 г.

- «Запутанное дело» (1848) было написано под влиянием Гоголя. Сцены безнадежных поисков «места» ее бедным героем, Иваном Самойлычем Мичулиным, напоминают визит Акакия Акакиевича Башмачкина к «значительному лицу». Так же лишается он шинели и умирает.
- Повесть касалась острых социальных вопросов. В предсмертном бреду герою являлась огромная пирамида, составленная «из бесчисленного множества людей», в самом низу которой ютится он сам, «так что голова Ивана Самойлыча была так изуродована тяготевшею над нею тяжестью, что лишилась даже признаков своего человеческого характера».
- В обстановке начавшейся в 1848 году в Западной Европе революции эта повесть была воспринята чуть ли не как проповедь «необходимости гильотины для всех богатых и знатных».

- "Ах, это писательское ремесло! Это не только мука, но целый душевный ад. Капля по капле сочится писательская кровь, прежде нежели попадет под печатный станок. Чего со мной не делали! И вырезывали, и урезывали, и перетолковывали, и целиком запрещали, и всенародно объявляли, что я - вредный, вредный, вредный".

- **ЭЗОПОВСКИЙ ЯЗЫК, ЭЗОПОВСКАЯ РЕЧЬ** (от имени древнегреческого баснописца Эзопа), особый вид тайнописи в литературе, *иносказание*, намеренно маскирующее мысли автора. По сути, иносказанием такого рода является весь жанр *басни*, в значительной мере *сказки, притчи, фантастики, утопии и антиутопии* и т.д.
- В России эзопов язык сформировался прежде всего как реакция на жёсткие цензурные ограничения. По словам М. Е. *Салтыкова-Щедрина*, «привычке писать иносказательно я обязан цензурному ведомству... Создалась особенная, рабская манера писать, которая может быть названа эзоповской, – манера, обнаруживающая замечательную изворотливость в изобретении оговорок, недомолвок, иносказаний и прочих обманных средств».
- Он использует басенное иносказание, аллегорические «сказочные описания», *перифразы* (описание предмета вместо его названия: так, Сибирь Н. А. Некрасов именовал Вестминстерским аббатством России, в Англии это усыпальница лучших людей), псевдонимы (А. В. *Амфитеатров* памфлет о династии Романовых назвал «Господа Обмановы»), *аллюзии* (намёки), *ирония, бурлеск* и *травестия* (изображение «высоких» предметов «низким стилем» и наоборот), *пародия* и *гротеск*.

- Язык Эзопа всегда о двух смыслах: одним — своим наружным смыслом он повернут к правящим, другим — прикровенным — к управляемым; «буквой» к цензору, «духом» — к читателю. Эзопову шифру, пробующему всегда разминуться с цензорским карандашом, пронос идейной контрабанды удаётся лишь при близорукости цензора и особой изощренности читательского глаза.
- В России цензурные прессы Николая I, отчасти и Николая II, давили лишь на «букву»; цензора, придираясь к внешней фразеологии, часто проглядывали «идеологию» и далеко не всегда оказывались хорошими отгадчиками Эзоповых загадок.
- Перечитываемая сейчас русская литература этого склада кажется слишком плохо маскированной. Но это ошибка подготовленного восприятия: если публицист В. Амфитеатров, озаглавливая один из своих памфлетов «Семья Обмановых» (газета «Россия» 1900 г.г.) был мало прикровенен, то Салтыков-Щедрин в «Истории города Глупова», смутно, при первочтении, напоминающей какую-то другую «историю», умело то спутывает, то разделяет два смысла повести: явный и тайный.

Сказки для детей изрядного возраста

- Сказочная фантастика
- Сказочные формулы
- Фольклорные мотивы
- Басенная традиция (аллегории)

– «Сказки для детей изрядного
возраста» (1869,

- Все сказки – пореформенные. Значит, мужики не крепостные, а «временнообязанные».
- Критикует писатель государственную политику, с помощью которой старались сохранить привилегированное положение дворянства и подчиненное и несправедливое – крестьянства.
- «Дикий помещик» – против дворянских привилегий и эксплуатации крестьян (и заодно против печатных органов, которые это поддерживают – см. газету «Весть»).
- «Как один мужик...» – про бесполезность всей громоздкой «чиновничье-бюрократической системы».
- «Премудрый пескарь» – против обывателей, слишком трусливых, чтоб создать в стране «гражданское общество».

Отношения народа и чиновничьей системы

Генералы

- Бесполезные
- Ничего не умеют
- Но имеют на все право
(до потери человеческого облика)

мужик

- Работящий
- Умеет все (гипербола – «суп в пригоршне»)
- НО самоуничижение (яблоко, веревка)
- финал

«Повесть о том.....»

- Сказочные формулы: «Жили-были два генерала», «пощучьему велению, по моему хотению», «сказано-сделано», «этого ни пером описать, ни в сказке сказать», «мёд-пиво пил, по усам текло, в рот не попало».
- Соединение реальности и сказочной фантастики: Петербург, Подъяческая, «Весть», Тула и т.д.
- «Московские ведомости» – реакционная официозная газета (расширение художественного пространства – сфера интересов привилегированного класса)
- Гипербола (образ мужика)

Другие образы, связанные с народом

- «Кисель»
- «Коняга»

ГРОТЕСК

- «Гротеск – тип художественной образности, основанный на фантастике, смехе, гиперболе, причудливом сочетании и контрасте фантастического и реального, прекрасного и безобразного, трагического и комического, правдоподобия и карикатуры.
- Гротеск создает аномальный, странный мир (неестественный) и не требует в него верить, не нуждается в логической мотивировке

«ДИКИЙ ПОМЕЩИК»

- Крестьяне/ помещик; государство
- Образ народа не индивидуализирован, а обобщен (рой как пчелиный рой, соборность, сплоченность, трудолюбие)

- «Дикий помещик». У помещика есть две высмеиваемые стороны: с одной стороны, полная беспомощность и бесполезность, с другой – натура хищника, готового ободрать крестьянина живьем. Поэтому помещик то боится мышонка и не может его прогнать (без Сеньки), то вдруг отращивает железные когти и разбойничает вместе с медведем.

- Вернувшись из «вятского плена» в 1856 году, Салтыков принял самое активное участие в начатой правительством нового царя Александра II реформаторской деятельности — сначала как чиновник для особых поручений при министре внутренних дел, а затем на посту вице-губернатора в Рязани и позже в Твери. В период подготовки отмены крепостного права неизменные выступления этого либерального вице-губернатора в защиту крестьянских интересов («Я не дам в обиду мужика! Будет с него, господа, очень даже будет!» — характернейшая для него фраза) заслужили ему в помещичьей среде злобное прозвище «вице-Робеспьер». А собственная мать в сердцах однажды назвала его «волком, алчущим разорвать узы родства».

- Щедрин одним из первых понял, что «взбаламученное море» тогдашней русской действительности вызвало не просто азартную погоню за быстрой наживой, «спекулятивную лихорадку» (по выражению Гончарова), но и резкую деформацию нравственных норм, выдвижение новых столпов и кумиров общества. Это нравственное смятение, доходившее до самого снисходительного отношения к любым средствам, которыми достигался успех, нашло в Щедрине и великого диагноста, как однажды назвал его знаменитый ученый И. М. Сеченов, и обличителя.

ПРЕМУДРЫЙ ПИСКАРЬ

- Потому что, для продолжения пискарьего рода, прежде всего нужна семья, а у него ее нет. Но этого мало: для того, чтоб пискарья семья укреплялась и процветала, чтоб члены ее были здоровы и бодры, нужно, чтоб они воспитывались в родной стихии, а не в норе, где он почти ослеп от вечных сумерек. Необходимо, чтоб пискари достаточное питание получали, чтоб не чуждались обществу, друг с другом хлеб-соль бы водили и друг от друга добродетелями и другими отличными качествами заимствовались. Ибо только такая жизнь может совершенствовать пискарью породу и не дозволит ей измельчать и выродиться в снетка.
- Неправильно полагают те, кои думают, что лишь те пискари могут считаться достойными гражданами, кои, обезумев от страха, сидят в норах и дрожат. Нет, это не граждане, а по меньшей мере бесполезные пискари. Никому от них ни тепло, ни холодно, никому ни чести, ни бесчестия, ни славы, ни бесславия... живут, даром место занимают да корм едят.

- Но и в радикальном демократическом журнале «Современник», в редакцию которого в 1863—1865 годах входил писатель, он стоял особняком, с нескрываемым скепсисом относясь к надеждам на скорую крестьянскую революцию и другие быстрые перемены.
- «...Втискивать человечество в какие-либо новые формы жизни, к которым не привела его сама жизнь, столь же непозволительно, как и насильно удерживать его в старых формах, из которых выводит его история», — писал Салтыков-Щедрин.

- Фанатичные проповедники туманных «новых форм жизни» ограничивались печатными выпадами против Щедрина, иронически именуя его «чужой овцой», затесавшейся в демократический круг, важным сановником, только рядящимся в «добролюбовский костюм», а на самом деле довольствующимся «цветами невинного юмора» (так называлась крайне недоброжелательная статья Д. И. Писарева). А защитники «старых форм» не брезговали наветами и доносами на этого «чиновника, проникнутого идеями, не согласными с видами государственной пользы и законного порядка», и в 1868 году добились у царя окончательной отставки Салтыкова.

- Представьте себе, ведь Ноздрев-то осуществил свое намерение: передо мною лежат уж два номера его газеты. Называется она, как я посоветовал: "Помои -- издание ежедневное". Без претензий и мило. В программе-объявлении сказано: "мы имеем в виду истину" -- еще милее. Никаких других обещаний нет, а коли хочешь знать, какая лежит на дне "Помоев" истина, так подписывайся. "Мы не пойдем по следам наших собратьев, -- говорится дальше в объявлении, -- мы не унизимся до широковещательных обещаний, но позволим сказать одно: кто хочет знать истину, тот пусть читает нашу газету, в противном же случае пусть не заглядывает в нее -- ему же хуже!" А в выноске к слову "истина" сделано примечание: "Все новости самые свежие будут получаться нами из первых рук, немедленно и из самых достоверных источников". А в том числе, конечно, будет получаться и клевета.
- Внешний вид газеты действует чрезвычайно благоприятно. Большого формата лист; бумага -- изумительно пригодная; печать -- сделала бы честь самому Гутенбергу; опечаток столько, что редакция может прятаться за ними, как за каменной стеной. Внизу подписано: редактор-издатель Ноздрев; но искусно пущенный под руку слух сделал известным, что главный воротило в газете -- публицист Искарriot. Не тот, впрочем, Искарriot, который удавился, а приблизительно. Ноздрев даже намеревался его ответственным редактором сделать (то-то бы розничная продажа пошла!), но не получил разрешения, потому что формуляр у Искарriота нехорош.

- Со стороны внутреннего содержания газета делает впечатление еще более благоприятное. В передовой статье, принадлежащей перу публициста Искарриота, развивается мысль, что ничто так не предосудительно, как ложь. "Нам все дозволяется, -- говорит Искарриот, -- только не дозволяется говорить ложь". И далее: "Никогда лгать не надо, за исключением лишь того случая, когда необходимо уверить, что говоришь правду. Но и тогда лучше выразиться надвое". Затем рассматривает факты современной жизни, вредные -- одобряет, полезные -- осуждает, и в заключение восклицает: "так должен думать всякий, кто хочет оставаться в согласии с истиной!" А Ноздрев в выноске примечает: "Полно, так ли? *Ред.*". Вторая передовая статья подписана "Сверхштатный Дипломат" и посвящена вопросу: было ли в 1881 году соблюдено европейское равновесие? Ответ: было, благодаря искусной политике, а чьей -- не скажу. Примечание Ноздрева: "Скромность почтенного автора будет совершенно понятна, если принять в соображение, что он сам и есть тот "искусный политик", о котором идет речь в статье. *Ред.*". В фельетоне фельетонист Трясучкин уверяет, что никогда ему не было так весело, как вчера на рауте у княгини Насофеполежаевой. Раут имел отчасти литературный характер, потому что княгиня декламировала: "Ах, почто за меч воинственный я свой посох отдала?", но из заправских литераторов были там только двое: он, Трясучкин, да поэт Булкин. Оба в белых галстуках. И когда княгиня произносила стих: "Зрела я небес сияние", то в гостиную вошел лакей во фраке и в белом галстуке и покурил духами. Так что очарование было полное. А когда, вслед за тем, сюрпризом явился фокусник, то вышел такой поразительный контраст, что все залились веселым смехом. Но ужина не было, "так что мы с Булкиным вынуждены были отправиться к Палкину и пробыли там до шести часов утра". Против имени княгини Насофеполежаевой Ноздрев заметил: "Урожденная Сильвупле, дочь действительного статского советника, игравшего в свое время видную роль по духовному ведомству", а против фамилии поэта Булкина: "нет ли тут какого недоразумения?" На второй странице -- разнообразнейшая "Хроника", в которой против десяти "известий", в выносках сказано: "Слышано от Репетилова", а против пяти: "Не клевета ли?" За хроникой следует тридцать три *собственных* телеграммы, извещающие редакцию, что мужик сыт. Но и тут выноска: "Истина вынуждает нас сознаться, что телеграммы эти составлены нами в редакции для образца". Третья страница посвящена корреспонденции из городов, коих имена не попали в "Список городских поселений", изданный статистическим отделом министерства внутренних дел. На четвертой странице -- серьезная экономическая статья: "Наши денежные знаки", в которой развивается мысль, что ночью с извозчиком следует рассчитывать непременно около фонаря, так как в противном случае легко можно отдать двугривенный вместо пятиалтынного, "что с нами однажды и случилось". Статья подписана *Не верьте мне*, а в выноске против подписи сказано: "Не только верим, но усерднейше просим продолжать. *Ред. Ноздрев*". Наконец на самом кончике последнего столбца объявление: "ДЕВИЦА!! ищет поступить на место к холостому человеку солидных лет. Письма адресовать в город Копыс Прасковье Ивановне". Выноска: "Очень счастливы, что начинаем предстоящую серию наших объявлений столь любезным предложением услуг; надеемся, что и прочие девицы (sic) не замедлят почтить нас своим доверием. *Контрщик Любострастнов*".

- Второй номер еще лучше. Начинается передовой статьей: "Военный бред", в которой указывается, что в тылу у нас -- Белое море и Ледовитый океан. Статья подписана: "Бывший начальник штаба войск эфиопского принца Амонасро, из "Аиды". Во второй статье, публицист Искарриот сходит с высот теоретических на почву современности и разбирает по суставчикам газету "Пригорюнившись Сидела", доказывая, что каждое ее слово есть измена. Затем помещено письмо Трясучкина, который извещает, что поэт Булкин совсем не "недоразумение", а автор известного стихотворения "Воззри в лесах на бегемота", а редактор Ноздрев в выноске на это возражает: "Но кажется, что это стихотворение, или приблизительно в этом роде, принадлежит перу Ломоносова?" Телеграммы опять составлены в стенах редакции, и по этому поводу Ноздревым сделано следующее "заявление": "Невозможно, чтоб редакция на свой счет получала телеграммы из всех городов. Она свое дело сделала, т. е. составила и обнародовала образцы, а затем охотники, желающие видеть свои телеграммы напечатанными, обязываются уже на собственный счет посылать таковые в редакцию". На четвертой странице новая экономическая статья экономиста *Не верьте мне*, в которой развивается мысль, что когда играют в карты на мелок, то справедливость требует каждодневно насчитывать умеренные проценты. И в выноске: "Так мы и делаем. *Ред.*". В конце опять одно объявление: "КУХАРКА!! такое одно кушанье знает, что пальчики оближешь. Спросить на Невском от 10 до 11 часов вечера девицу "Ребятахвалили". Выноска: "Наши вчерашние ожидания постепенно оправдываются, но пускай же и прочие кухарки поспешат к нам с своими объявлениями. *Конторщик Любострастнов*".

История одного города

**По подлинным документам
Издавал М.Е. Салтыков (Щедрин)**

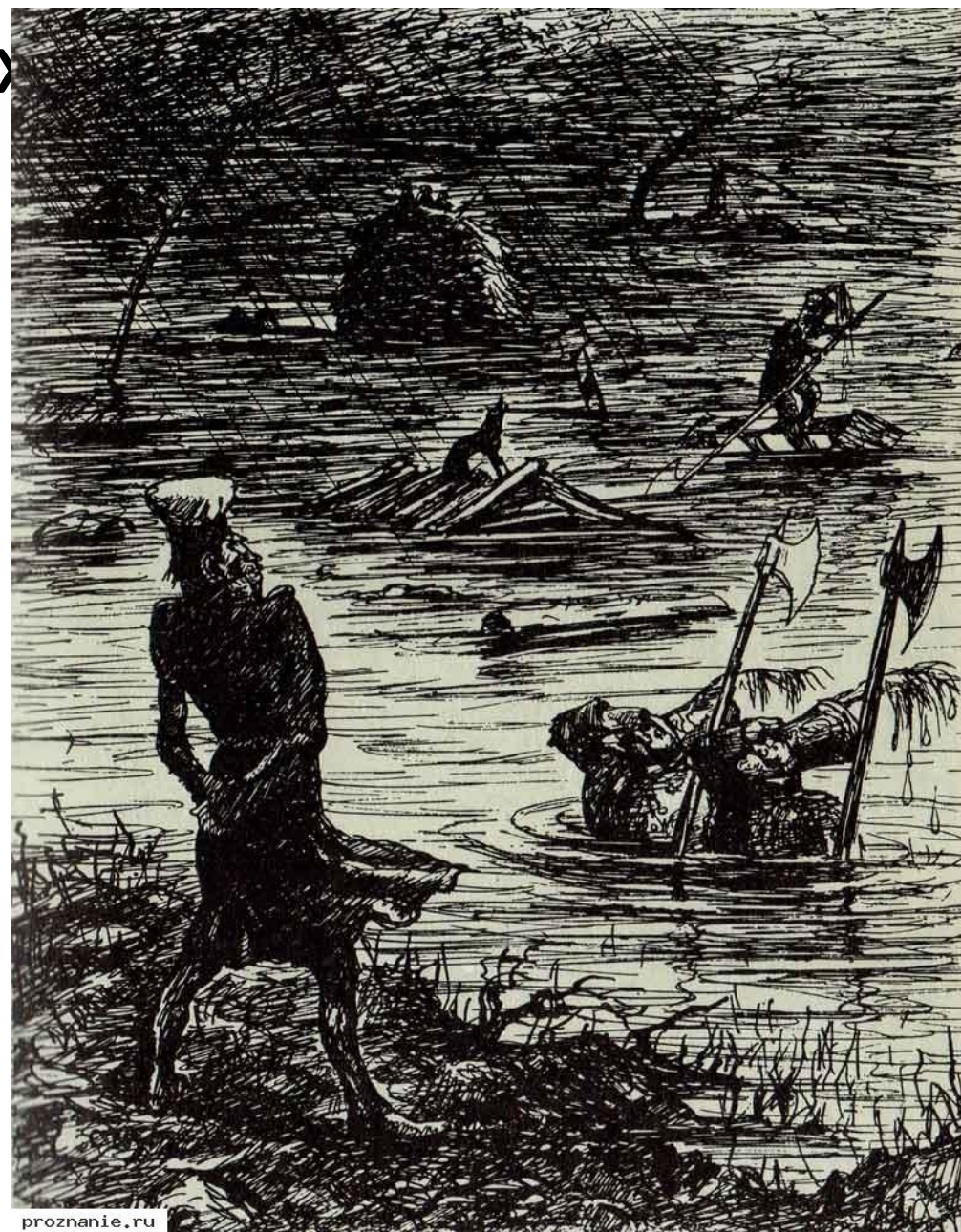
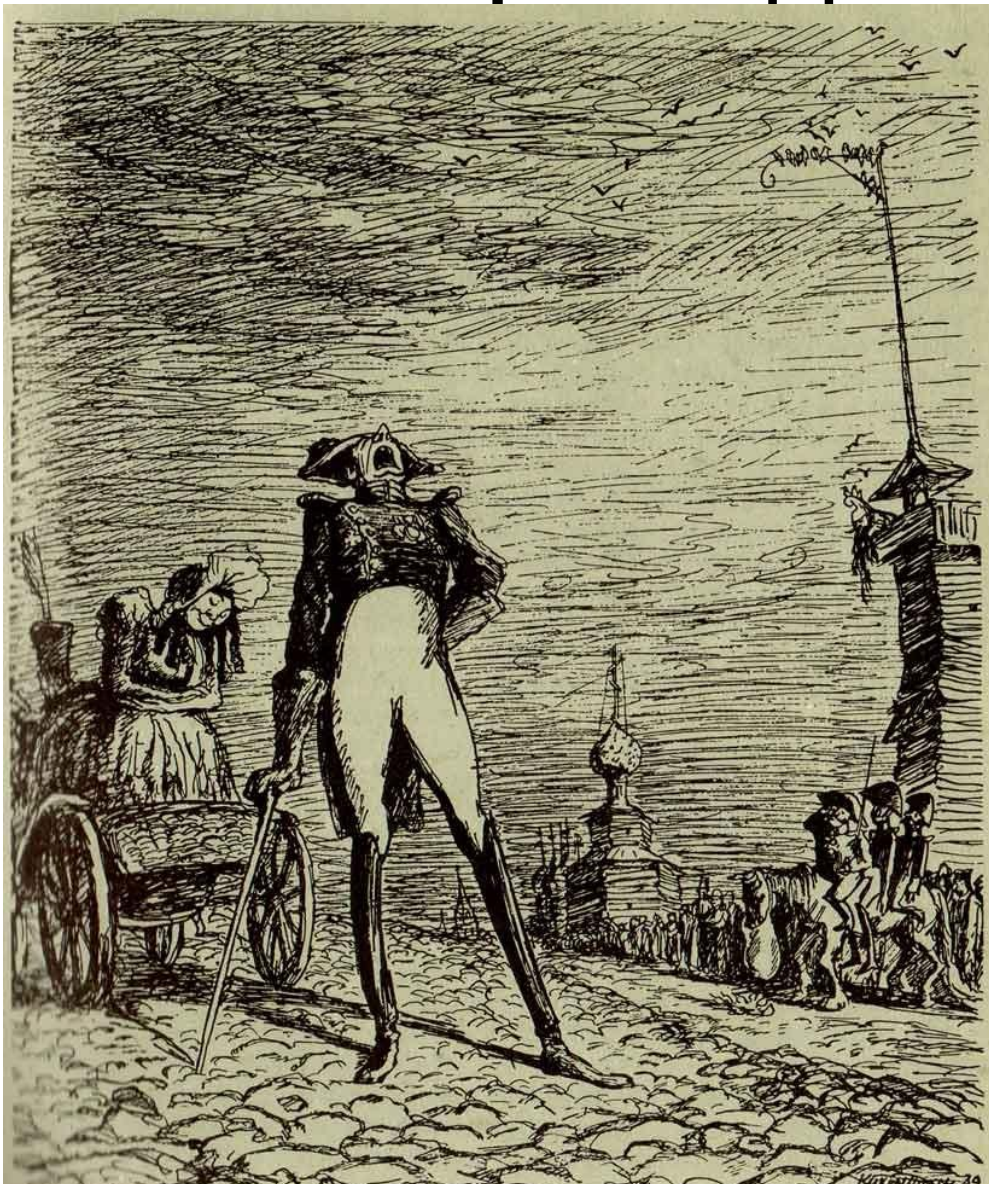
"историческая" сатира вовсе не была для меня целью, а только формой.

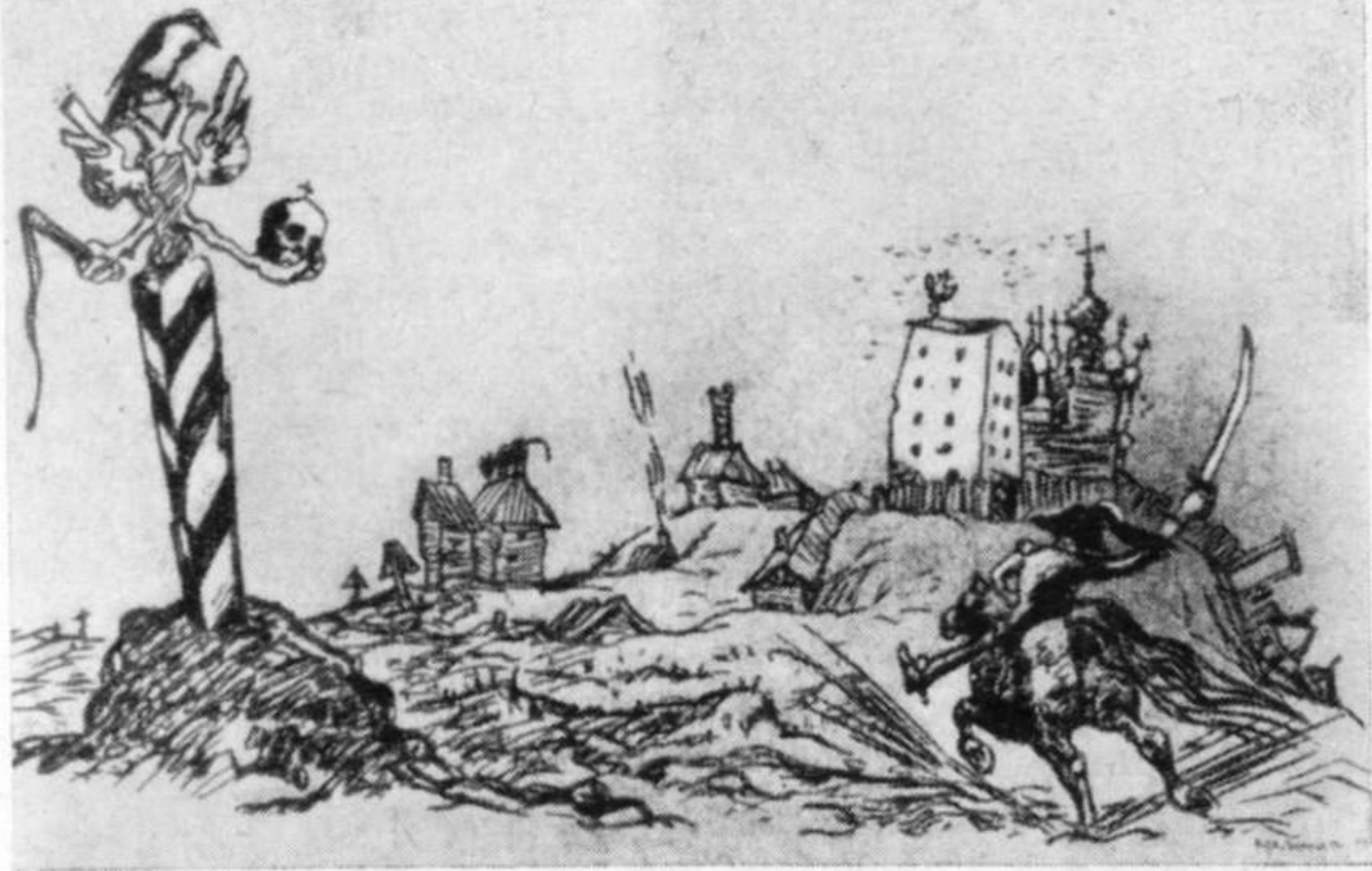
- Не "историческую", а совершенно обыкновенную сатиру имел я в виду, сатиру, направленную против тех характеристических черт русской жизни, которые делают ее не вполне удобною. Черты эти суть: благодушие, доведенное до рыхлости, ширина размаха, выражающаяся с одной стороны в непрерывном мордобитии, с другой -- в стрельбе из пушек по воробьям, легкомыслие, доведенное до способности не краснеть лгать самым бессовестным образом. В практическом применении эти свойства производят результаты, по моему мнению, весьма дурные, а именно: необеспеченность жизни, произвол, непредусмотрительность, недостаток веры в будущее и т. п. Явления эти существовали не только в XVIII веке, но существуют и теперь, и вот единственная причина, почему я нашел возможным привлечь XVIII век. И смею уверить моего почтенного рецензента, что даже и на будущее время сенат, не имеющий исправной карты России, никогда не войдет в число элементов для моих этюдов, тогда как такой, например, факт, как распоряжение о писании слова "государство" вместо слова "отечество", войти в это число может.

- Сверх того, историческая форма рассказа представляла мне некоторые удобства, равно как и форма рассказа от лица архивариуса. Но, в сущности, я никогда не стеснялся формой и пользовался ею лишь настолько, насколько находил это нужным; в одном месте говорил от лица архивариуса, в другом -- от своего собственного; в одном -- придерживался указаний истории, в другом -- говорил о таких фактах, которых в данную минуту совсем не было. И мне кажется, что в виду тех целей, которые я преследую, такое свободное отношение к форме вполне позволительно.

- Если б, вместо слова "Органчик", было поставлено слово "Дурак", то рецензент, наверное, не нашел бы ничего неестественного; если б, вместо шести дней, я заставил бы своих градоначальниц измываться над Глуповом шестьдесят лет, он не написал бы, что это вздор (кстати: если б я действительно писал сатиру на XVIII век, то, конечно, ограничился бы "Сказанием о шести градоначальницах"). Но зачем же понимать так буквально? Ведь **не в том дело, что у Брудастого в голове оказался органчик, наигрывавший романсы: "Не потерплю!" и "Раззорю!", а в том, что есть люди, чье существование исчерпывается этими двумя романсами. Есть такие люди или нет?**

«История одного города»

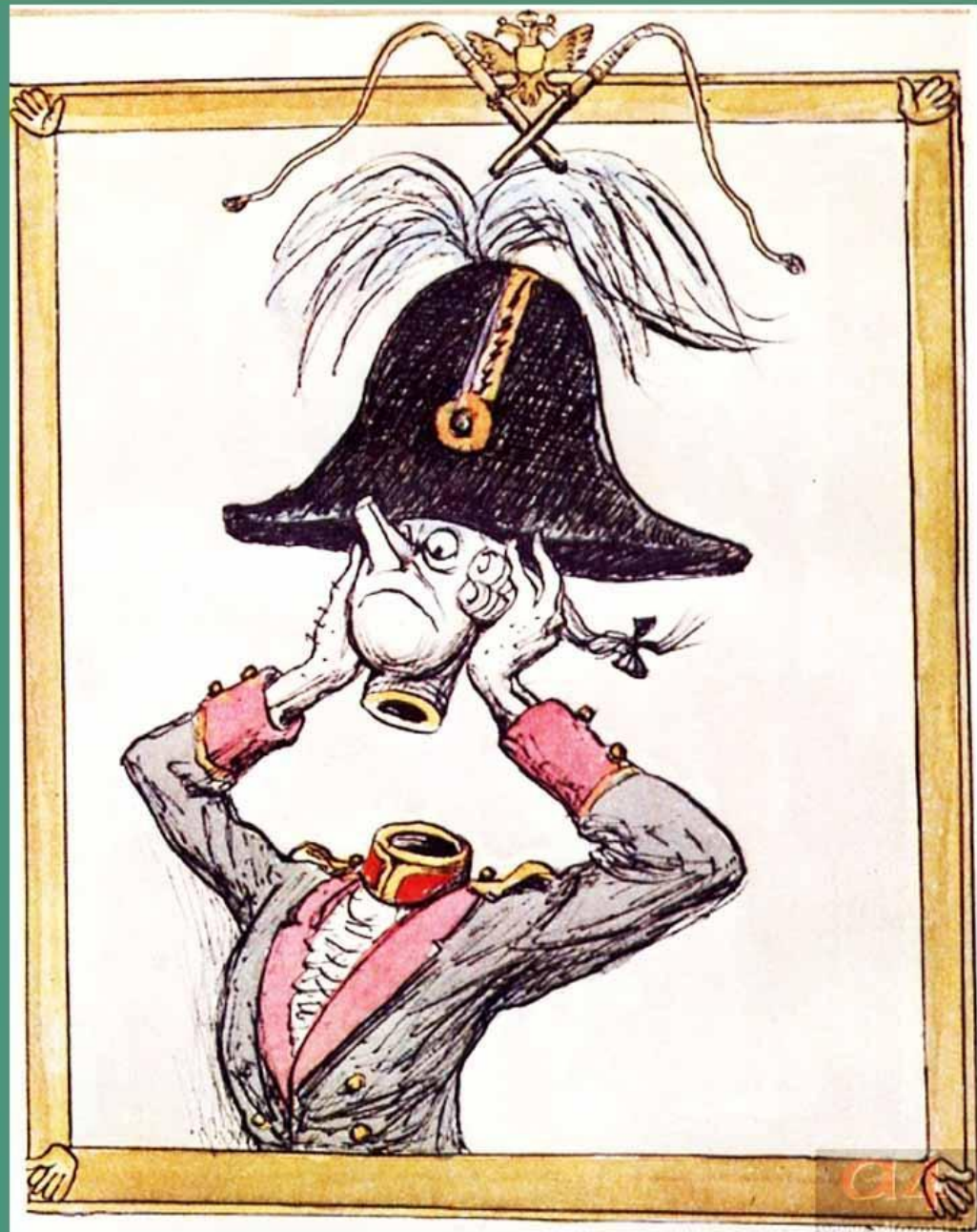

«История одного города». Рисунок Кукрыниксов

Кукрыниксы 1939 г. Иллюстрации к роману М.Е.Салтыкова-Щедрина «История одного города» 1869 г.

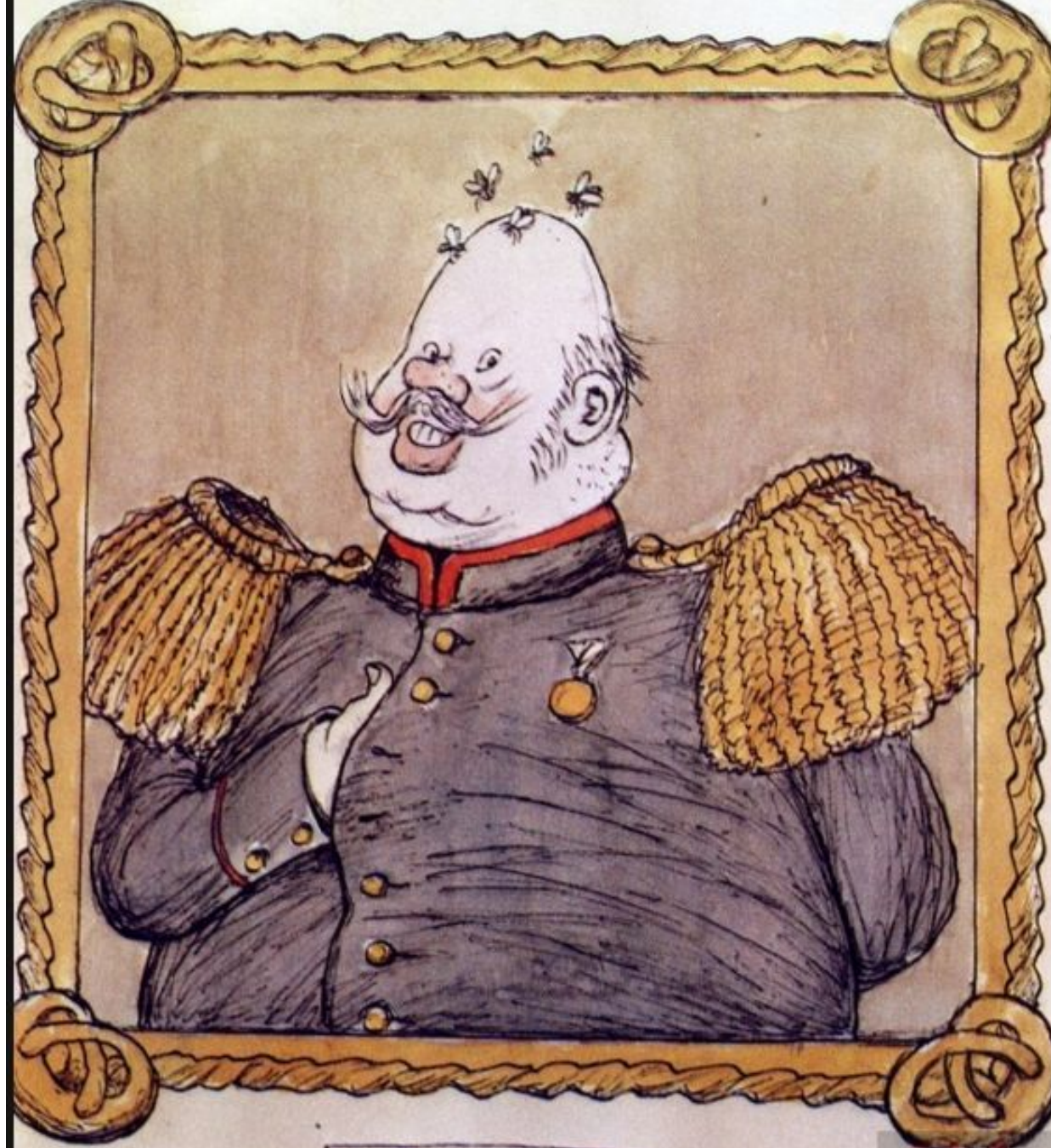

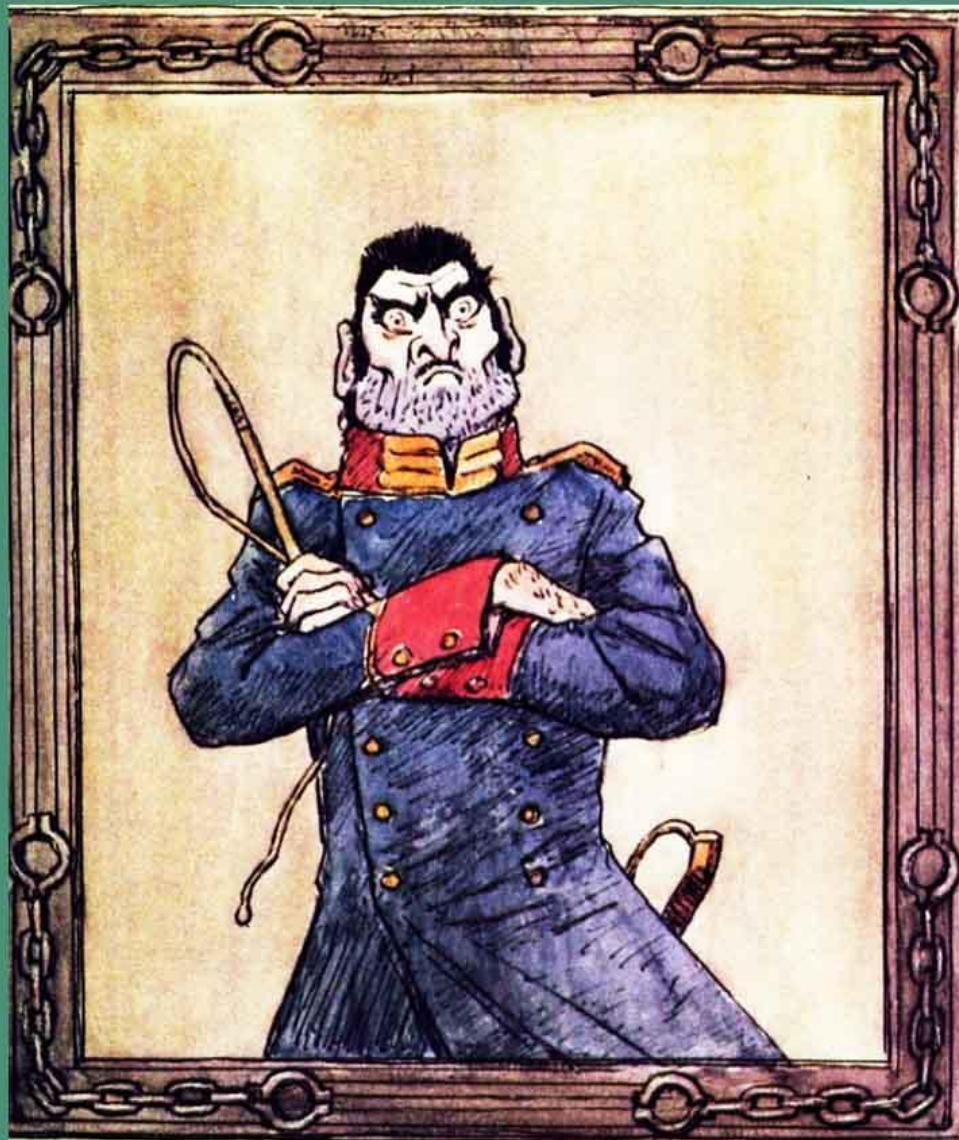
«Брудастый»
Кукрыниксы 1939 г.

Жители г.Глузово в романе М.Е.Салтыкова-Щедрина «История одного города» 1869 г.

Прыщ

«Угрюм-Бурчеев»
Кукрыниксы 1939 г.

Угрюмъ Бурчеевъ

Стилизация под летопись

- Начало – Повесть временных лет
- Аналогии (Угрюм-Бурчеев – Аракчеев, Нечаев)

- родной наш город Глупов, производя обширную торговлю квасом, печенкой и вареными яйцами, имеет три реки и, в согласность древнему Риму, на семи горах построен, на коих в гололедицу великое множество экипажей ломается и столь же бесчисленно лошадей побивается. Разница в том только состоит, что в Риме сияло нечестие, а у нас -- благочестие, Рим заражало буйство, а нас -- кротость, **в Риме бушевала подлая чернь, а у нас -- начальники.**

ИСТОРИЯ ГЛУПОВА

НАЧАЛО

И прибых собственной персоною в Глупов и возопи:

-- Запорю!"

С этим словом начались исторические времена.

КОНЕЦ

Оно пришло...

В эту торжественную минуту Угрюм-Бурчеев вдруг обернулся всем корпусом к оцепенелой толпе и ясным голосом произнес:

-- Придет...

Но не успел он договорить, как раздался треск, и бывший прохвост моментально исчез, словно растаял в воздухе.

История прекратила течение свое".

ПЕРЕЧЕНЬ ГРАДОНАЧАЛЬНИКОВ

- 8) *Брудастый*, Дементий Варламович*. Назначен был впопыхах и имел в голове некоторое особое устройство, за что и прозван был "Органчиком". Это не мешало ему, впрочем, привести в порядок недоимки, запущенные его предместником.
-
- 12) *Бородавкин*, Василиск Семенович.* Градоначальничество сие было самое продолжительное и самое блестящее. Предводительствовал в кампании против недоимщиков, причем спалил тридцать три деревни и, с помощью сих мер, взыскал недоимок два рубля с полтиною. Ввел в употребление игру ламуш* и прованское масло; замостил базарную площадь и засадил березками улицу, ведущую к присутственным местам; вновь ходатайствовал о заведении в Глупове академии, но, получив отказ, построил съезжий дом*. Умер в 1798 году, на экзекуции, напутствуемый капитан-исправником.
- 13) *Негодяев**, Онуфрий Иванович, бывший гатчинский истопник. Разместил вымощенные предместниками его улицы и из добытого камня настроил монументов*. Сменен в 1802 году за несогласие с Новосильцевым, Чарторыйским и Строгоновым (знаменитый в свое время триумвират) насчет конституции, в чем его и оправдали последствия.
- 14) *Микаладзе*, князь Ксаверий Георгиевич, черкашенин, потомок сладострастной княгини Тамары. Имел обольстительную наружность, и был столь охоч до женского пола, что увеличил глуповское народонаселение почти вдвое. Оставил полезное по сему предмету руководство. Умер в 1814 году от истощения сил.
- 16) *Прыщ*, майор, Иван Пантелеич. Оказался с фаршированной головой, в чем и уличен местным предводителем дворянства.
- 20) *Грустилов*, Эраст Андреевич, статский советник. Друг Карамзина. Отличался нежностью и чувствительностью, сердца*, любил пить чай в городской роще, и не мог без слез видеть, как токуют тетерева. Оставил после себя несколько сочинений идиллического содержания и умер от меланхолии в 1825 году. Дань с откупа возвысил до пяти тысяч рублей в год.
- 21) *Угрюм-Бурчеев*, бывший прохвост. Разрушил старый город и построил другой на новом месте.
- 22) *Перехват-Залихватский*, Архистратиг Стратилатович, майор. О сем умолчу. Въехал в Глупов на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки.
-

- Полный этих смутных мечтаний, он явился в Глупов и прежде всего подвергнул строгому рассмотрению намерения и деяния своих предшественников. Но когда он взглянул на скрижали, то так и ахнул. Вереницею прошли перед ним: и Клементий, и Великанов, и Ламврокакис, и Баклан, и маркиз де Санглот, и Фердыщенко, но что делали эти люди, о чем они думали, какие задачи преследовали -- вот этого-то именно и нельзя было определить ни под каким видом. Казалось, что весь этот ряд -- не что иное, как сонное мечтание, в котором мелькают образы без лиц, в котором звенят какие-то смутные крики, похожие на отдаленное галденье захмелевшей толпы... Вот вышла из мрака одна тень, хлопнула: раз-раз! -- и исчезла неведомо куда; смотришь, на место ее выступает уж другая тень, и тоже хлопает как попало, и исчезает... "Раззорю!", "не потерплю!" слышится со всех сторон, а что разорю, чего не потерплю -- того разобрать невозможно. Рад бы посторониться, прижаться к углу, но ни посторониться, ни прижаться нельзя, потому что из всякого угла раздается все то же "раззорю!", которое гонит укрывающегося в другой угол и там, в свою очередь, опять настигает его. Это была какая-то дикая энергия, лишенная всякого содержания, так что даже Бородавкин, несмотря на свою расторопность, несколько усомнился в достоинстве ее. Один только штатский советник Двоекуров с выгодой выделялся из этой пестрой толпы администраторов, являл ум тонкий и проницательный и вообще выказывал себя продолжателем того преобразовательного дела, которым ознаменовалось начало восемнадцатого столетия в России. Его-то, конечно, и взял себе Бородавкин за образец.

Устав о добропорядочном пирогах печении

"1. Всякий да печет по праздникам пироги, не возбраняя себе таковое печение и в будни.

2. Начинку всякий да употребляет по состоянию. Тако: поймав в реке рыбу -- класть; изрубив намелко скотское мясо -- класть же; изрубив капусту -- тоже класть. Люди неимущие да кладут требуху.

Примечание. Делать пироги из грязи, глины и строительных материалов навсегда возбраняется.

3. По положению начинки и удобрению оной должным числом масла и яиц, класть пирог в печь и содержать в вольном духе, доколе не зарумянится.

4. По вынутии из печи всякий да возьмет в руку нож и, вырезав из середины часть, да принесет оную в дар.

5. Исполнивший сие да яст".

Глуповцы тем быстрее поняли смысл этого нового узаконения, что они издревле были приучены вырезывать часть своего пирога и приносить ее в дар. Хотя же в последнее время, при либеральном управлении Микаладзе, обычай этот, по упущению, не исполнялся, но они не роптали на его возобновление, ибо надеялись, что он еще теснее скрепит благожелательные отношения, существовавшие между ними и новым градоначальником. Все наперерыв спешили обрадовать Беневоленского; каждый приносил лучшую часть, а некоторые дарили даже по целому пирогу.

ГЛУПОВЦЫ

- Вообще во всей истории Глупова поражает один факт: сегодня расточат глуповцев и уничтожат их всех до единого, а завтра, смотришь, опять появятся глуповцы и даже, по обычаю, выступят вперед на сходках так называемые "старики" (должно быть, "из молодых да ранние"). Каким образом они нарастали -- это была тайна, но тайну эту отлично постиг Двоекуров, и потому розог не жалел.
- -- Мало ли было бунтов! У нас, сударь, насчет этого такая примета: коли секут -- так уж и знаешь, что бунт!

Но глуповцы тоже были себе на уме. Энергии действия они с большою находчивостью противопоставили энергию бездействия.

-- Что хошь с нами делай! -- говорили одни, -- хошь -- на куски режь; хошь -- с кашей ешь, а мы не согласны!

-- С нас, брат, не что возьмешь! -- говорили другие, -- мы не то что прочие, которые телом обросли! нас, брат, и уколупнуть негде!

И упорно стояли при этом на коленях.

Очевидно, что когда эти две энергии встречаются, то из этого всегда происходит нечто весьма любопытное. Нет бунта, но и покорности настоящей нет. Есть что-то среднее, чему мы видали примеры при крепостном праве. Бывало, попадетса барыне таракан в супе, призовет она повара и велит того таракана съесть. Возьмет повар таракана в рот, видимым образом жует его, а глотать не глотает. Точно так же было и с глуповцами: жевали они довольно, а глотать не глотали.

-- Сломлю я эту энергию! -- говорил Бородавкин и медленно, без торопливости, обдумывал план свой.

А глуповцы стояли на коленях и ждали. Знали они, что бунтуют, но не стоять на коленях не могли. Господи! чего они не передумали в это время! Думают: станут они теперь есть горчицу, -- как бы на будущее время еще какую ни на есть мерзость есть не заставили; не станут -- как бы шелепов не пришлось отведать. Казалось, что колени в этом случае представляют средний путь, который может умиротворить и ту и другую стороны.

И вдруг затрубила труба, и забил барабан. Бородавкин, застегнутый на все пуговицы и полный отваги, выехал на белом коне. За ним следовал пушечный и ружейный снаряд. Глуповцы думали, что градоначальник едет покорять Византию, а вышло, что он замыслил покорить их самих...

Так начался тот замечательный ряд событий, который описывает летописец под общим наименованием "войн за просвещение".

- Разумеется, все это повествовалось и передавалось друг другу шепотом; хотя же и находились смельчаки, которые предлагали поголовно пасть на колена и просить прощенья, но и тех взяло раздумье.

- Раздражение росло тем сильнее, что глуповцы все-таки обязывались выполнять все запутанные формальности, которые были заведены Угрюм-Бурчеевым. Чистились, подтягивались, проходили через все манежи, строились в каре, разводились по работам и проч. **Всякая минута казалась удобною для освобождения, и всякая же минута казалась преждевременною.** Происходили непрерывные совещания по ночам; там и сям прорывались одиночные случаи нарушения дисциплины; но все это было как-то до такой степени разрозненно, что в конце концов могло, самою медленностью процесса, возбудить подозрительность даже в таком убежденном идиоте, как Угрюм-Бурчеев.

- ,Рецензенту кажется возмутительным, что я заставляю глуповцев жиреть, наедаться до отвала и даже бросать хлеб свиньям. Но ведь и этого не следует понимать буквально. Все это, быть может, грубо, аляповато, топорно, но тем не менее несомненно -- иносказательно. Когда глуповцы жиреют? -- в то время, когда над ними стоят градоначальники простодушные. Следовательно, по смыслу иносказания, при известных условиях жизни, простодушие не вредит, а приносит пользу. **Может быть, я и не прав, но в таком случае во сто крат неправее меня действительность, связавшая с представлением о распорядительности представление о всяческих муштрованиях.**

- Рецензент мой не отличает народа исторического, то есть действующего на поприще истории, от народа как воплотителя идеи демократизма. Первый оценивается и приобретает сочувствие по мере дел своих. Если он производит Бородавкиных и Угрюм-Бурчеевых, то о сочувствии не может быть речи; если он выказывает стремление выйти из состояния бессознательности, тогда сочувствие к нему является вполне законным, но мера этого сочувствия все-таки обуславливается мерою усилий, делаемых народом на пути к сознательности. Что же касается до "народа" в смысле второго определения, то этому народу нельзя не сочувствовать уже по тому одному, что в нем заключается начало и конец всякой индивидуальной деятельности.

В каких произведениях русской литературы изображаются отношения государства и народа и в чем эти произведения можно сопоставить с «Историей одного города» Салтыкова-Щедрина.

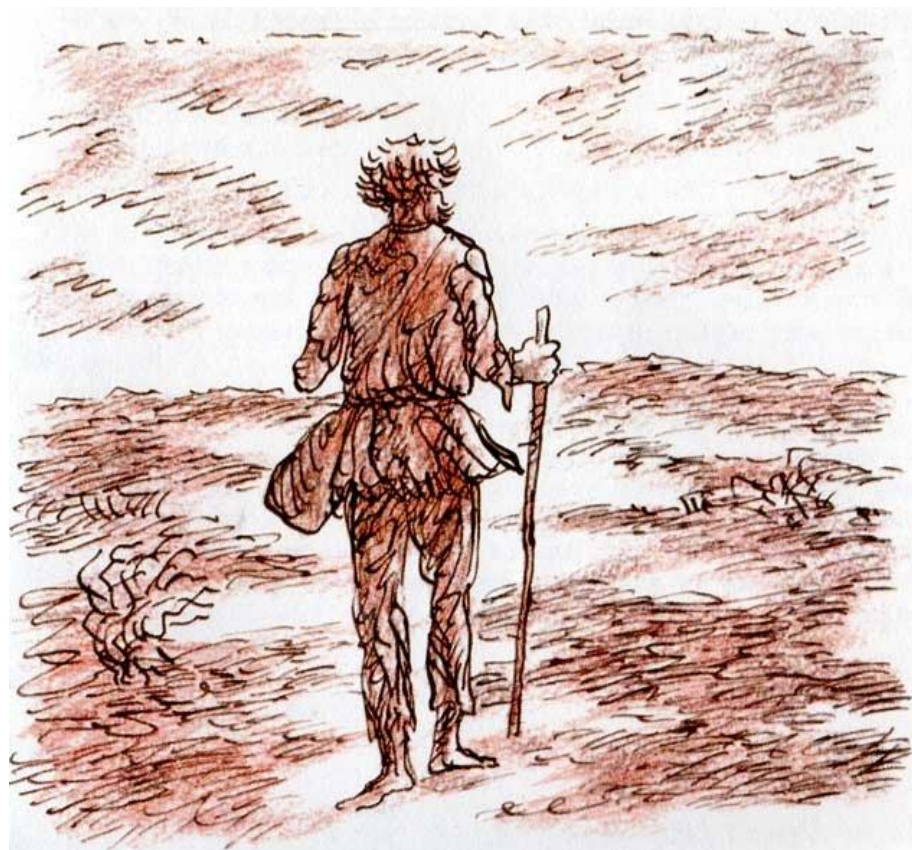
В каких произведениях русской литературы обсуждаются социалистические идеи и в чем эти произведения можно сопоставить с «Историей одного города»

В каких произведениях дан образ будущей России и в чем эти произведения можно сопоставить с «Историей одного города»

- *Женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у неё была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у неё.*

Князь – Груша
Печорин - Бэла

Лесков называет своих героев «антиками» и «оригиналами».

1. Опорное миросозерцательное начало для Лескова – **идея деятельного и самоотверженного добра**. «Жизнь состоит в борьбе добра со злом, и проклятие лежит над всякой неподвижностью».
 2. Праведники далее сравниваются с заволжскими старцами-нестяжателями XV века, из них самая яркая фигура – **Нил Сорский**, поборник незаметного и тихого «умного делания». Но яркая отличительная черта лесковского праведничества от русского подвижничества XIV-XV вв. заключается в том, что второму сопутствовали уединение от людей, созерцательное погружение в молитву и борьба с собственной греховностью, а лесковские герои живут среди людей.
 3. Горький писал, что **лесковским праведникам некогда подумать о собственном спасении – они заняты спасением и утешением ближних**. Главный побудительный мотив – **жалость**.
 4. **Праведники Лескова не выступают как идеологи**. Идея справедливого порядка у праведников включает как христианские законы, так и сословные границы, этикет, власти, народные устои и т. п. – отклонение грозит хаосом. Праведники привержены национальному укладу (Иван Северьяныч в татарском плену).
 5. **Бескорыстие и самоотверженность праведника несовместимы с чувством собственной избранности и духовной привилегированности**.
 6. **Образы праведников близки традициям древнерусской литературы (агиография)**. Сын «моленный» и «обещанный». Реальность часто противоречит идеальному миропорядку, поэтому праведники проявляют в реальности черты должного.
 7. Анекдот в центре построения текста. Жизнь героев пестрит «казусами», «курьезами», «трагикомическими обстоятельствами» и «неожиданными происшествиями», которые вертят героями. Это связано с тем, что интриги и рассудочные планы бессмысленны: героями управляет предопределение: «будешь погибать и никогда не погибнешь».
- Лесков называет своих героев «антиками» и «оригиналами».

СОЧИНЕНИЯ

- Что придает сатирическим произведениям С-Щ современное звучание?
- Почему так уродлив и карикатурен мир власть имущих в сатире С-Щ?
- Роль фольклорных мотивов в произведениях С-Щ.
- Роль гротеска в сказках С-Щ.